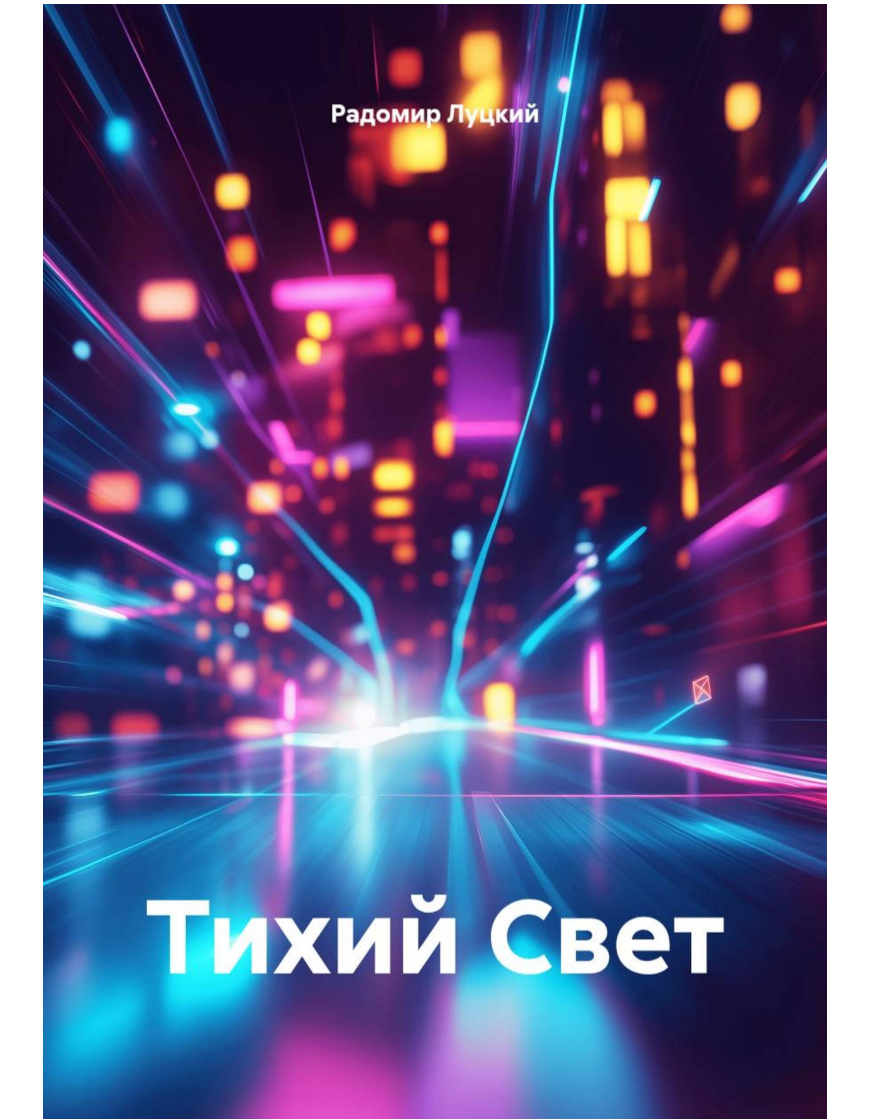

The background is a vibrant, abstract digital composition. It features a dense field of light trails in shades of cyan, magenta, and blue, radiating from a central point. Interspersed among these trails are numerous out-of-focus light sources, or bokeh, in warm tones of orange, yellow, and red. The overall effect is one of dynamic energy and futuristic technology.

Радомир Луцкий

Тихий Свет

Радомир Луцкий

Тихий Свет

<https://litres.ru/74201244>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тихий свет» — сборник стихов, написанных на заправке, в больнице, между жизнью и смертью. Их автор прошёл через иглу, психоз и падение с шестого этажа, но его стихи — не о боли. Они о том, как прорасти сквозь бетон и не перестать видеть свет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тихий Свет

Глава

Тихий свет. Стихи.

Я расту

Я пророс не из семени —
из трещины,
из несказанного,
из того, что осталось,
когда асфальт
запечатал землю,
как сургуч — письмо.

Я стал языком этой щели,
её шёпотом,
её зелёным глаголом,
обращённым к небу,
которое даже не знает,
что его звали.

Мой корень —
слепой писец,
ведущий летопись в темноте,

где каждая крупница глины —
непрожитая чья-то жизнь,
а я её перевожу
на язык лепестков.

Я не цветок.

Я — грамматика выживания,
синтаксис,
в котором подлежащее —
свет,
сказуемое —
тянуться,
а обстоятельство —
всегда,
даже когда некуда.

На пустыре,
где завод отгудел,
как отболевший зуб,
я расту из окалины,
из спекшейся памяти,
из того, что считали
уже не землёй, а прахом.
Но я знаю:
прах —
это почва,
которая забыла своё имя,

и я напоминаю ей,
тихо,
каждым утром,
когда раскрываюсь,
как веко,
не успевшее уснуть.

Мои лепестки —
следы от игл,
но иглы были невидимы,
как музыка,
которую слышишь только ты.

Я не прячу их в тень,
яставляю на свет,
как витраж,
как рукопись,
где каждый прокол —
буква,
и вместе они складываются
в слово,
которое я не произношу,
но которое дышит
сквозь меня.

У больницы,
где стены впитали

столько молитв,
что стали солёными на ощупь,
я расту у порога,
как поставленный кем-то,
кто не знал,
что я здесь появлюсь.

Мой стебель —
позвоночник,
который научился
не гнуться, а длиться,
быть текучим,
как время,
как капельница,
как взгляд,
провожающий свет
в чужие окна.

На могиле,
где земля говорит
не голосом — гулом,
не словом — тяжестью,
я — не гость,
я — хозяин возвращения.
Я — то, чем стало тепло,
когда перестало быть плотью.
Мои корни обнимают внизу

не останки, а эхо,
гулкое, как колокол,
по которому ударили однажды
и забыли,
а он всё длится,
и длится,
и длится во мне.

Я пью эту память,
как дождь,
как редкую милость,
и превращаю её
в хлорофилл,
в зелень,
в то, что можно увидеть,
не закрывая глаз.

В горшке,
забытом на подоконнике,
где почва отвердела,
как старая клятва,
я всё ещё жив.
Я пью туман,
я слизываю росу с рассвета,
я жду,
и ожидание моё —

не пустота,
а форма наполнения,
как кувшин,
который уже почти полон,
сам не зная чем.
Мой стебель —
Атлант,
державший не небо,
а отсутствие неба,
и в этом отсутствии —
весь свет,
который я когда-либо знал.

Я рос между рельсов,
где колёса
выбивали из земли
дрожь,
и я кланялся каждому составу,
как кланяются
перед неизбежным,
а потом поднимался,
потому что неизбежное —
это ещё не конец,
это просто ритм,
под который удобно
учиться стоять.

В банке из-под кофе,
на краю чужого стола,
я вырос из горсти земли,
принесённой ребёнком,
который не знал,
что спасает.

Он приносил мне воду
в крышечке от сока,
и я пил,
и это была
самая чистая литургия,
которую я когда-либо знал.
Он смотрел на меня,
как смотрят на чудо,
которое не ждал,
и я цвёл,
потому что чудо —
это тоже послушание.

В кармане старой куртки,
забытый, высушенный,
я — семя,
я — пауза между «было» и «будет»,
я — возможность,
которой не нужен срок.

Меня найдут,
когда ткань истлеет,
и я прорасту сквозь неё,
как свет —
сквозь закрытые веки,
как слово —
сквозь долгое молчание,
как правда —
сквозь всё, что пытались
забыть.

Меня не замечали,
пока я не становился цветом.
А когда становился —
меня рвали,
и я отрастал снова.
Не из мести,
не из упрямства даже,
а из какой-то древней,
дословной необходимости,
как море,
которое не может не дышать,
как воздух,
который не может не петь,
когда сквозь него проходит тепло.

Меня заливали бетоном,
и я прорастал сквозь шов,
тонкой нитью,
почти прозрачной,
почти молитвой,
почти отсутствием,
но прочнее,
чем любой запрет.
Я не пробивал преграду —
я находил щель,
и становился ею,
и щель становилась мной,
и вместе мы были
тем местом,
где тьма переходит в свет.

Я — не борьба.
Я — то, что остаётся,
когда борьба заканчивается.
Я — тихий ответ,
на который не было вопроса,
но который был нужен
раньше,
чем прозвучал.
Я — дыхание почвы,
которую не помнят,

но которая не забыла,
как пахнет дождь,
как пахнет детство,
как пахнет то,
чего ещё нет,
но что уже
прорастает.

Я расту.
Не потому что я сильный,
а потому что сила —
это слово,
которое придумали те,
кто не знал,
как можно
просто быть,
просто длиться,
просто тянуться к свету,
не называя это
подвигом.

Я —
всего лишь зелёное пламя,
горящее вверх,
всего лишь строка,
которую пишет земля

на теле пустоты,
всего лишь дыхание,
которое длится,
когда всё уже выдохнули.
И этого хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.